

Медведева Наталья
В эмигрантских кругах Парижа, Лос-Анджелеса, а также других городов и стран мира эту российскую красавицу знают неплохо. Манекенщица, певица, журналистка-писательница известна не только романами и книгами, но и смелой категоричностью суждений. А еще она законная жена Эдика Лимонова. Потому, как и подобает верной супруге, перебралась вслед за ним из Франции в Москву.

Натали на московских развалинах.

Наталья Медведева: Коме. правда. - 1994. - 4 авг. - с. 6.

В Москве так убого. Но в Париже еще хуже

— Наташа, я не успеваю зачеркивать ваши с Эдиком телефонные номера в своей записной книжке. Вы все время в бродяжеском движении — съезжаете, переезжаете...

— Ну не стыдно разве мужчине, которому за 50, называть Эдиком?

— Эдуард?

— Разумеется.

— Но почему?

— Потому что сразу напрашивается Эдик-педик. А вон наша кровать. И потом сейчас в этой стране на писательские гонорары квартиры, в отличие от кровати, не купишь. К тому же пиратство: в Минске издали четыре лимоновских тома тиражом по 200 тысяч — и ничего.

— Вы сами издаетесь: читал ваш «Отель Калифорния». Любопытно...

— Что такое любопытно?.. Это же....

— Ваша любовь к ненормативной, ласково говоря, лексике заметна.

— В зависимости от ситуации. В беседе мне хочется говорить так, как мне хочется. Надоело играть какую-то приличную женщину.

— Вы на неприличную, на мой взгляд, не тянете.

— Это я сама решу — приличная я или нет. Вот вы идете по улице — вы людей слышите?

— Слышу.

— Я тоже. И не признаю великого поэта, который общается с приятелями, говорит: ну ты, старичок, или там чувак. А когда пишет, облачается в халат, в чепец, и ничего у него от этой жизни ни в стихах, ни в прозе. Творчество должно органически выходить из вас, тогда оно действительно настоящее. Иначе — пошли подделки. Да и к тому же в нашей стране даже самые большие интеллектуалы все равно вышли из подворотни. Или обязаны были в детстве через эту подворотню пройти.

— Наташ, но если так, то что вы здесь, в Москве, делаете?

— Что за дурацкий вопрос? Меня он вообще потрясает. А что я делала в Америке и десять лет во Франции? Живу я, жизнь моя движется. Каждому дан какой-то отрезок — то там, то здесь.

Хозяин «лимонок»

— У вас сейчас французское гражданство?

— Да, советского лишили, российского не дали.

— И вам тут неуютно?

— Неуютно. Разумеется, убого. Но странно, люди адаптируются — получается глобальный процесс адаптации. Во что? Зачем? Никто не знает. Мне это, например, безумно интересно. Помните знаменитое выражение — «загнивающий Запад»? Он начал гнить с года 1985-го. Ясно, что с исчезновением Союза СССР мир изменился. И у них не меньше, чем здесь: с кем бороться? Где ты, коммунизм? Противник пропал и цели тоже: полная растерянность, но только какие обертки. Красиво! Но в России во всяком случае честнее. В Москве все очень грубо, хамски, гадко, мерзко, грязно...

— А как же честность с грубостью?

— Да что вы, в этом сегодня и заключается честность. В варварстве местном. Когда вы идете по Тверской и вам под ноги харкается кто-то, одетый в красный пиджак. На пиджак денег хватило, а на то, чтобы харкаться отучиться, мозгов не хватает. Или когда мужичок во фраке сморкается, он одним пальцем закрывает нос. Ой, какой джентльмен! И в то же самое время, это потрясающе совершенно, он откроет вам

дверь, подаст пальто, даст прикурить.

— И вас такое еще раздражает?

— Не слишком. Я о другом. Россия — экстремистская страна, Брат — так уж брать, и до такой степени, что сдохнем все. На меня наводит черную тоску безумный разгул в сексе. У меня было много друзей среди гомосексуалистов. Они классные ребята и не козлы — с ними можно общаться. И вроде бы все замечательно. Но когда задумываешься о том, кто же будет поставлять нам новых педерастов, то получается затор. Ведь жизнь-то по идее продолжается. Пока? Мужское с треском провалилось. Сегодня быть бабником уже как-то нехорошо. Я против крайностей — либо бабник, либо гомик. Неужели создавать новое общество, в котором производящими будут свиноматки?

— Наташа, и все равно в стране чудес лучше?

— Это вы иронизируете по поводу моей книги «В стране чудес»? Здесь чудеса, но что делать там? Нечего. Там нет движения. Западные интеллектуалы придумывают для человечества новую цель. Кажется, нашли: произвести и потребить как можно больше. Но это же полный тупик.

— Однако и вы перебравшись в город на реке Москве в поисках какой-то лучшей жизни.

— Послушайте, что такое лучшая жизнь? Нужно набить людей, которые придумали эту глупость. Человек должен в конце концов осознать, что он сам в себе Бог, мир, религия. Я — есть Бог. Людям пора забыть всех этих проклятых литературоведов с их ужасными словами о маленьком человечике. Вы что — выкидываете из башки. Мы все великие люди. Каждый из нас несет в себе свой безумный мир. Вы меня все пытаетесь отправить обратно в Париж, а я каждое утро выглядывала в восемь утра на улицу Чехова: человек с седой шевелюрой мел уличу. Я смотрю на него, и тянет написать роман. Он метет потрясающе. Непрофессионально, неся на лопате бумажку, ветер сдувает ее, и седой бежит за ней. О какой лучшей жизни можно еще мечтать? И мы живем в России, которая преворачи-

вает сейчас весь мир и преворачивается сама. А если вы далеко от этого, то, пожалуйста, довольствуйтесь своим маленьким сытым счастьем, вскакивайте от скуки по ночам и войте на луну.

— Знаете, я обычно не щедр на комплименты, но в Москве вы выглядите похудевшей, постройневшей с вашими метром восемьдесят одним сантиметром...

— Вы мне польстили лишним сантиметром — рост ровно метр восемьдесят.

— Простите, каблук попутал.

— Толстая подошва снова в моде. А кажусь еще выше потому, что покинула общество сытое, довольное, никуда не идущее и стоящее.

— Скажите, муж ваш — Эдуард Лимонов, рассказывал о ваших парижских несчастьях: в русском ресторане «Балалайка» на вас напали, нанесли несколько ударов чуть ли не открытой по лицу...

— Так никого и не нашли.

— И никаких подозрений?

— Лимонову кто-то рассказывал, что где-то кого-то допрашивали, и проскользнуло, будто чеченская мафия, она и в Париже отметилась.

— Вам в Москве поется?

— Здесь вышел компакт «Париж-кабаре, Рио» — русские дореволюционные песни, романсы. Записываю новый — это будут уже мои собственные песни и другой жанр. А русский романс я исполняю блестяще. Во-первых, познакомилась с ним как бы за границей, и к нему у меня отношение не такое, как у советского исполнителя. И потом я долго работала в «Распутине» — слушала, как поет Алеша Дмитриевич, и училась петь не как другие, а как душа поет. И если она не поет, петь нечего. А в России все поют, как Алла Пугачева. Десять, сто певцов — и все равно все, как одна, под Аллу. И юмор тоже однобокий. В середине семидесятых я девчонкой 17 лет вышла замуж и попала из Ленинграда в Лос-Анджелес: тогда центр эмиграции, в основном одесской. Тот юмор из русского ресторана в Калифорнии заполонил сейчас Москву. Зачем так много одного и того же? Сегодня вокруг меня все тамошнее. Даже Владимир Вольфович Жириновский — тоже тип оттуда.

— Но это пошло уже из репертуара разругавшегося с ним Лимонова.

— Что вы — Лимонов да Лимонов. Я с Эдуардом общаюсь только дома. А вы мне о политике. Я реагирую на политику, но она должна быть аренной потрясающих идей, борьбой при помощи божественных слов. А в России это, знаете, какой уровень?

— Догадываюсь.

— Ничего вы не догадываетесь: как бы своим задом в кресло помягче.

Беседу вел
Николай ДОЛГОПОЛОВ.

Фото Сергея
БЕРЕЗИНА и автора.